

РОМАНЫ О ВЕТЕРАНАХ СПЕЦНАЗА

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

**МЕСТЬ
В ТРОТИЛОВОМ
ЭКВИВАЛЕНТЕ**

МЫ ВЕРНУЛИСЬ. И НАЧИНАЕМ СВОЙ СУД

Романы о ветеранах спецназа

Сергей Самаров

Месть в тротиловом эквиваленте

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Месть в тротиловом эквиваленте / С. В. Самаров — «Автор»,
2016 — (Романы о ветеранах спецназа)

ISBN 978-5-699-87449-1

В нескольких населенных пунктах один за другим гремят взрывы: срабатывают бомбы, адресованные в виде посылок разным людям. Следователь ФСБ Лихачев подозревает в организации убийств отставного подполковника ГРУ Виктора Скоморохова. Только он, по мнению Лихачева, имеет достаточный боевой опыт, чтобы грамотно спланировать и осуществить подобную операцию. Ведущий самостоятельное расследование капитан ГРУ Тимофей Страхов понимает, что Скоморохова подставили. Не стал бы офицер военной разведки убивать мирных граждан, да еще таким подлым способом. Страхов слишком хорошо знает этих людей. Найти настоящего убийцу становится для капитана делом чести.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87449-1

© Самаров С. В., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Самаров

Месть в тротиловом эквиваленте

© Самаров С., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

- Елена Анатольевна, здравствуйте! Вам посылка пришла.
- Спасибо, Светочка. А откуда?
- Сейчас посмотрю. Из Москвы посылка.
- Интересно. Вроде бы я ни от кого не жду. Сама недавно только оттуда вернулась. Не наложенный платеж? Хотя я книг тоже давно не выписывала.
- Нет. Обычная посылка. Придете получать? Лучше бы до обеда.
- Да, прямо сейчас и иду.

Пожилая женщина собиралась не долго. В деревне она отвыкла тщательно следить за собой. Здесь можно и в магазин, и на почту пойти в том же, в чем работаешь в огороде.

Елена Анатольевна жила здесь уже седьмой год, с тех пор как на пенсию вышла. Ей предлагали еще несколько лет поработать в той же школе, где она много лет преподавала русский язык и литературу, но она отказалась. Сейчас дети пошли не такие, как раньше. Общаться с ними стало намного труднее. Да и сама современная программа среднего образования, как считала Елена Анатольевна, была нацелена на то, чтобы выпускать за школьные стены дебилов, с трудом умеющих читать и писать на родном языке. Все под западные стандарты, которые она признавать не желала.

Пенсии и денег, которые она получала за сдачу квартиры в Москве, Елене Анатольевне вполне хватало на жизнь в деревне. Одной ей много было не нужно. Да и сбережения кое-какие у нее имелись. Она могла себе позволить купить все необходимое. Даже теплицу в огороде поставила.

Болели ноги в суставах, и потому до почты она шла долго. Да и дорога, недавно засыпанная крупным щебнем и еще не укатанная машинами дачников, утомляла. Женщина пошла в тапочках, а в них по камешкам ходить сложно. Они покалывают ноги сквозь тонкую подошву.

Посылка не столько обрадовала, сколько удивила ее. Обратный адрес на картонной коробке был незнакомым. Но посылка без сомнения предназначалась ей. Елена Анатольевна захватила с собой сумку-тележку и хорошо сделала. Иначе она просто не унесла бы с почты тяжелую посылку. Женщина осторожно уложила коробку на трубчатую площадку, притянула к такому же каркасу специальными резинками. Так надежно, не упадет.

По дороге к почте маленькие колесики тележки катились нормально, но с тяжелым грузом они застревали между камнями и заставляли с силой тянуть ручку. Добравшись до своей калитки, Елена Анатольевна присела отдохнуть на скамейку.

- Вроде бы еще не старая, а так устала, – сказала она сама себе.

Наверное, Елена Анатольевна не измоталась бы так, если бы не больные ноги. Они ходить порой вообще не хотели. Особенно по утрам. Ей приходилось заставлять себя вставать. В движении без нагрузки боль отпускала.

Солнце припекало с утра, но свежий ветерок нес прохладу. Мимо шел на удивление трезвый Коля Сорокин, рабочий с фермы. Он каждый день по несколько раз проходил мимо ее дома, жил неподалеку и часто бегал с фермы домой. То ли жену проверял, то ли в свой привычный туалет спешил – непонятно. Сейчас Коля не бежал. Он направлялся из дома к ферме. На работу можно не торопиться.

- Чего, Анатольевна, опять кучу книг получила?

Вся деревня знала, что Елена Анатольевна время от времени выписывает себе через почтовый каталог какие-то книги. Люди не понимали этого и не одобряли такую трату денег.

- Нет. Посылку вот получила. Даже не знаю, кто прислал. Поможешь вскрыть?
- Мне не трудно. Что ж не помочь. – Коля вообще был человеком отзывчивым.

Передохнув, пожилая женщина вошла во двор уже без тележки, которую завез туда Коля.

Она отвязала посылку, оставила ее на крыльце и сказала:
– Сейчас я нож принесу.

Пока Елена Анатольевна искала на кухне нож, Коля Сорокин, чтобы надолго тут не застревать, вытащил свой, перочинный, с остро отточенными лезвиями. Он разрезал ленты скотча и крышку картонной коробки, вытащил скомканные газеты, уложенные поверху, и вытянул за ручку тяжелый пластмассовый ящик для инструментов.

Коля удивился. Кто же инструменты старушке прислал? Зачем они ей? И что вообще за инструменты? Как человек по-настоящему мастеровой, у которого руки из правильного места растут, Коля всегда интересовался подобными штуковинами.

Он уже слышал, как со скрипом открывается дверь, ведущая из дома на веранду, к которой крыльцо и примыкало. Коля щелкнул замком ящика и поднял крышку.

Мощный взрыв раздался сразу же.

На борту микроавтобуса-фургона было написано: «Служба экспресс-доставки «Пони»». Водителем микроавтобуса был молодой парень, разрисованный по самые уши затейливой непонятной многоцветной татуировкой. Она изображала то ли простой чертополох, то ли неведомые инопланетные живые колючки с глазами и хищными харями.

Водитель, видимо, вообще любил украшательство, и потому носил в ушах крупные женские серьги. Мужчины обычно стараются вставлять их в одно ухо, и уж, как правило, куда более скромные, без цветных камней. Этот же представитель вроде бы сильной половины человечества разницы полов, похоже, не чувствовал и от избытка хорошего вкуса никогда не страдал.

В том же микроавтобусе на пассажирском сиденье устроился не особо крупный мужчина средних лет с брезгливым и хронически недовольным выражением лица. Он морщился от дорожной пыли, залетающей в салон фургона даже при плотно закрытых дверных стеклах. Микроавтобус был старенький и поэтому имел много щелей.

Фургон торопливо проехал вдоль высокой стены, украшенной поверху многочисленными спиральными кольцами колючей проволоки, и остановился около дверей трехэтажного административного корпуса. Рядом с входом к стене была приделана вывеска, надпись на которой гласила, что здесь находится некий «почтовый ящик», обозначенный четырьмя цифрами.

Возле нее стояли два офицера в форме с бордовыми петлицами.

Мужчина, занимавший пассажирское сиденье, легко выпрыгнул из салона, обежал, семеня короткими ногами, транспорт сбоку, стремительно распахнул задние дверцы и запрыгнул внутрь. Уже через минуту он вылетел из машины, как пробка из бутылки шампанского, и с коробкой в руках ринулся к входным дверям.

– Где тут у вас служебная проходная? – спросил этот тип так, словно кто-то здесь был в чем-то виноват перед ним и так жестоко его обидел, что требовалась немедленная сатисфакция.

Удивленные офицеры синхронно кивнули на дверь.

Мужчина распахнул ее и пробежал до вертушки перед большим, во всю стену, окном из оргстекла. Он поставил коробку на стойку и приподнялся на носках, чтобы дотянуться до отверстий, просверленных в оргстекле специально для разговоров. Над ними на стекло была наклеена надпись, распечатанная на принтере: «Дежурный».

– Я из службы доставки «Пони». Мне майор Нифонтов нужен. Как его вызвать?

– По какому вопросу? – позевывая, спокойно осведомился дежурный. – Кто его спрашивает?

Он положил руку на черный старомодный телефонный аппарат, только после этого поднял мутные водянистые глаза и посмотрел на посетителя.

– Говорю же, служба доставки «Пони». Посылка майору Нифонтову с оплаченной доставкой. побыстрее можно? Нам еще за день пятьсот километров проехать надо!

Дежурный набрал номер, спросил кого-то тихим ленивым голосом и тут же положил трубку.

– Нифонтова сегодня не будет. Он в ночь дежурил. С утра ушел на сутки отдыхать. Завтра приезжайте, – проговорил он.

– Ближний свет! – проворчал, как будто сплюнул, низкорослый человек. – Принимайте вы посылку и распишитесь.

– А мне она на хрен сдалась? А вдруг там бомба? Привози, говорю же, завтра и взрывавай Нифонтова на здоровье. Не могу принять. Не положено! Мы – режимный объект.

Человек из микроавтобуса сердито схватил свою коробку, что-то недовольно пробормотал себе под нос и устремился к выходу, по-прежнему быстро переставляя короткие ноги. Дежурный зевнул ему вслед.

Задние дверцы микроавтобуса так и оставались распахнутыми. Два офицера, которые разговаривали у дверей, пожали друг другу руки. Один вернулся в здание, второй пошел по дорожке мимо машины и увидел в кузове несколько коробок и ящиков.

В это время низкорослый мужчина вернулся, выругался и в сердцах зашвырнул неприятную посылку в кузов.

Взрыв последовал сразу же. Микроавтобус подбросило до уровня второго этажа. Куда унесло самого низкорослого мужчину, если от него что-то и осталось, было непонятно. А вот офицера, проходящего мимо, оторвало от земли и после непродолжительного восхитительного полета забросило далеко в кусты. Все стекла на фасаде административного корпуса дружно, с веселым звоном влетели внутрь.

Небольшое кафе «Венецианский дворик» занимало угол дома и слегка выступало из фасада – не сильно, не больше, чем сантиметров на тридцать-сорок. Непонятно было, то ли стену на первом этаже так хитро поставили, то ли просто фасад кафе обложили природным камнем, напоминающим обычный булыжник.

Рядом с кафе, по другую сторону тротуара, прямо на газоне, буквой «Г» был выставлен деревянный помост, обнесенный перилами с резными балясинами, выдержанный в непонятном стиле и колорите. На этом самом помосте стояли несколько столиков. Официанты в фирменной униформе с монограммой кафе могли выносить желающим перекусить на свежем воздухе свои подносы прямо из служебных дверей заведения, расположенных в стороне от главного входа, за углом.

В этот вечер клиентов было немного. После дневной жары воздух в городе остыть еще не успел. Все посетители предпочитали сидеть на свежем воздухе. Но, как и полагается, попозже народу добавилось.

Из служебных дверей кафе выбежал худощавый парень лет двадцати пяти. Он стянул с головы белый поварской колпак, на ходу снял с себя короткий, похожий на куртку, белый халат с монограммой заведения и торопливо перебежал через дорогу к дому напротив, где находилось почтовое отделение. Идти через подземный переход, расположенный неподалеку, молодой человек не пожелал.

Очень скоро этот же парень так же торопливо вернулся тем же путем и принес с собой коробку с символикой «Почты России». Он сразу прошел на кухню.

– Это у тебя что? – каким-то властным голосом спросил повара дежурный администратор, встретивший его в служебных дверях.

– Посылка. Жена получить не успевала. Просила меня заскочить. У нас же рядом...

– Откуда ей такие посылки шлют?

Повар посмотрел на обратный адрес.

– Из Москвы. Я даже не знаю, от кого. От бабушки, наверное.

– Бабушка с большими кавказскими усами? – Администратор усмехнулся. – Посмотри хоть, что прислали. Инжир или кавказские яблоки? Неужели не интересно?

– Интересно. Но пусть жена сама покажет.

– А мне тоже знать хочется. Посмотри, чтобы я тебя за побег с рабочего места не наказывал. А то ведь могу и премии лишить.

Администратор был человеком чрезмерно любопытным и всегда лез в чужие дела. Он желал знать все обо всех, показывать встречным-поперечным, что здесь не просто так поставлен, власть имеет.

Повар и сам, похоже, горел желанием заглянуть в посылку. Он большим кухонным ножом вскрыл коробку, выбросил в мусорное ведро скомканные газеты, заполняющие пустое пространство, и вытащил обычный ящик для инструментов. Такие продаются в любом хозяйственном магазине.

– У тебя жена что, ремонтом унитазов подрабатывает? – с издевкой спросил администратор. – У нас в доме сантехник с таким ходит.

Повар не ответил и открыл ящик.

Окна кухни вылетели вместе с рамами. Через несколько секунд из пустых проемов повалил пар вперемешку с дымом. «Венецианский дворик» перестал существовать.

Глава 1

Мне позвонил наш генеральный директор.

– Тим Сергеевич, Новиков беспокоит. Ко мне загляните.

Наша первая встреча оказалась очень даже веселой. Я, тогда просто военный пенсионер-инвалид, его, в те времена заместителя генерального директора детективно-правового агентства, очень мягко говоря, слегка побил. С того самого дня я с ним разговаривал запросто, на «ты», а он со мной – с немалым уважением к моим способностям в рукопашке, строго на «вы».

– Иду, Петя, бегу.

Я сидел без дела уже три дня, с тех пор как закончил нудное оформление множества документов. В детективно-правовом агентстве я элементарно скучал, поэтому не просто пошел, а почти вприпрыжку поскакал в кабинет генерального директора. Даже коленная чашечка из нержавеющей стали не в состоянии была своей тяжестью снизить мою скорость.

Обыкновенную деревянную трость я не носил принципиально, потихоньку привыкал не хромать, если в этом не было необходимости. Она могла возникнуть только тогда, когда мне потребовалось бы прикинуться беспомощным. В помещении агентства пока такое не предвиделось.

Я себе выписал через Интернет трость со стилетом, как мне и советовал полковник Быковский, но пока еще заказ не пришел. Я передвигался без дополнительной опоры, но достаточно быстро, и надеялся на скорое полное восстановление своей опорно-двигательной системы. Грубо говоря, ногу так тренировал.

По утрам, не афишируя свое занятие, я начал совершать пробежки по ближайшим дворам. Для этого мне в первый день пришлось вставать в пять часов, чтобы мои неуклюжие первые попытки не вызвали смех прохожих. В такую рань людей просто нет на улицах. К их же счастью, поскольку я сильно не люблю, когда надо мной смеются.

Но уже на второй день пробежек я позволил себе встать в шесть утра, а на третий – еще на полчаса позже. Мне было понятно, что смеяться теперь уже не над чем. Я бегал вполне уверенно, ходил совсем хорошо, даже когда спешил. Если и чувствовал помехи, то не выказывал их ни лицом, ни движениями.

Привыкший чувствовать себя сильным, я хотел и стремился обрести былую боевую и физическую форму. Я даже намеревался вскоре начать применять нормативы спецназа ГРУ, то есть раз в десять дней совершать пятидесятикилометровый марш-бросок. Правда, там на него выходят в полной боевой выкладке, с тяжелыми рюкзаками и оружием. У меня ничего такого не было, но долго ли набить рюкзак камнями. Меня вполне устроили бы даже простые кирпичи, пусть и битые, с соседней стройки.

Петр Васильевич Новиков, наш генеральный директор, с которым я познакомился после удара своим протезным коленом ему в лоб, уже не раз жаловался мне, что головная боль с тех пор достает его каждый вечер. Сотрясение мозга он получил, конечно, как я ему тогда еще и пообещал. Но не слишком тяжелое. Лоб, наверное, у него крепкий. Я сам его диагностировал знакомыми мне методами. Они не отличаются от врачебных. Меня самого несколько раз точно так же доктора проверяли. Я запомнил методику, да и симптомы не забыл. Поэтому и определил сотрясение – одностороннее, в правом полушарии. Я рекомендовал новому генеральному директору агентства отдохнуть хотя бы пару недель без забот и, желательно, повальноей пьянки.

Петр Васильевич тогда только плечами пожал и пробубнил:

– Нет времени. Вот все успокоится, уляжется, освоюсь на новой должности, тогда и отдохну. Мне в отпуск не скоро.

Я не врач, поэтому настаивать не могу. Я только дал совет Петру Васильевичу. Вполне, как мне казалось, здравый.

Но в этот раз он вызвал меня, естественно, не для диагностики.

– Садись. Это ненадолго. Скоро опять побежишь.

Слышал, значит, стук моих тяжелых берцев по коридору. Он у нас длинный, гулкий. По моему дыханию темп передвижения определить было невозможно. За свои легкие я могу ответ держать даже перед собранием акционеров любого предприятия, а участники таких мероприятий, слышал я, придираются даже к тому, к чему вроде бы цепляться никак нельзя.

Я сел, ожидая не чего-нибудь интересного, а просто какой-нибудь работы. Пусть самой элементарной, но занимающей меня.

– Ты с капитаном Саней давно не виделся?

– С тех пор как вы толпой ко мне в гости приходили. Когда работу предложили. Больше не виделся. А что с ней?

– По тебе, кажется, скучает.

Капитан Радимова из городского уголовного розыска внешне не походила на стабильно скучающего человека. В моем понимании она была персонажем хронически, если не катастрофически занятым, до психической неуравновешенности погруженным в свои темные дела по поиску преступников. К такому человеку соваться просто так, чайку попить, как-то не совсем прилично. Даже если завалишься с букетом цветов. По крайней мере, мне так казалось.

– Конкретнее, командир, – попросил я.

– Дело она какое-то ведет. Главный подозреваемый, как я понял, из ваших. Подполковник спецназа ГРУ в отставке. Сане требуется твоя помощь или просто консультация. Сгоняешь?

– Фамилия подозреваемого?.. – осведомился я, пока еще ничем директору не угрожая.

– Радимова скажет. Я не в курсе. Поезжай к ней.

Я-то, наивный человек, понадеялся, что Новиков вызвал меня, чтобы поручить какое-то конкретное дело и тем самым излечить меня от скуки. Мне жутко надоело это вот изучение всяческих правовых норм, в том числе и тех, нарушать которые я ни под каким соусом не имею права. Надоело мне сиднем сидеть, а чтение документов – не дело. За три дня я устал больше, чем от полугодовой командировки на Северный Кавказ.

Но и капитану Сане помочь я тоже желал. А главное, я хотел бы помочь тому незнакомому мне подполковнику спецназа ГРУ, о котором зашла речь. Хотя вполне могло бы оказаться и так, что мы с ним пересекались. Не исключено, что он даже из нашей бригады, поскольку она стоит здесь, в области. Этот человек мог быть моим прежним командиром.

В любом случае подполковник спецназа – это уже человек с не самой простой судьбой за спиной. На него легко можно списать любое преступление. Именно этого офицера представители компетентных органов в первую очередь заподозрят в совершении каких-то преступлений. Если он ни при чем, то я просто обязан помочь и ему, и капитану Сане разобраться с этим.

Ведь мне совсем недавно помогали полковник Быковский и взвод бригады спецназа ГРУ. Быковский тогда однозначно поверил мне на слово и вмешался. А если бы не поверил? Как я смог бы в той ситуации выкрутиться самостоятельно?

Так вот и я обязан верить этому подполковнику, еще незнакомому мне. Окончательно определиться с этим мне, конечно же, еще предстоит, исходя из материалов дела. Но верить хотелось заранее.

Ремонт моей машины закончился два дня назад. Все это дело свелось к простой замене лобового стекла и задней дверцы вместе с прострелянной запаской, которая на ней и крепится. Кто-то из бандитов всадил в колесо целую очередь. Вместе с дверцей пули прошили и бачок с жидкостью для обмывания стекла.

Труженики автосервиса постарались на славу. Они даже поставили на машину дверцу точно того же цвета, и меня это удовлетворило. Новое лобовое стекло оказалось хорошим, даже с солнцезащитной полоской поверху, чего на прежнем, пробитом пулей, не было. Ремонт оплачивало разведывательное управление округа, поскольку травмы машина получила во время официальной операции, проводимой этой самой структурой.

Перед выездом я, естественно, позвонил капитану Сане.

– Давно не виделись, товарищ капитан. Капитан частного сыска беспокоит, – представился я тем самым званием, которое мне Радимова, помнится, и присвоила. – К вам запись на прием производится?

– Приезжайте. Я пропуск закажу.

– Еду.

Город уже был наполнен автомобилями, хотя самый-самый час пик, когда народ на работу едет, уже завершился. Я раньше вообще не понимал людей, приезжающих в офис на машине, которая весь день потом простаивает на парковке только для того, чтобы вечером отвезти хозяина домой. Но сейчас сам поступаю точно так же, не зная, понадобится мне машина в течение дня или нет. Предполагаю, что и у других такая же ситуация. Да и вообще многие люди не любят пользоваться городским транспортом, особенно в жаркую погоду, когда пассажиры обильно потеют и ароматизируют окружающую атмосферу ничуть не хуже деревенского дощатого туалета.

Даже при сильной загруженности городских дорог, не приспособленных в принципе к современному автомобильному потоку, мой маленький и юркий «Сузуки Джимни» легко маневрировал. При своих малых лошадиных силах и не слишком хорошей динамике этот автомобильчик умудрялся быть чуть ли не самым быстрым среди других машин, не способных к стремительному перемещению из ряда в ряд.

Говорят, что такой метод вождения считается рискованным и приравнивается к хулиганству на дорогах. Его уже окрестили агрессивным. Но ездить так мне нравится куда больше, чем стоять в пробках или передвигаться со скоростью пьяной беременной кобылы – около двадцати километров в час.

Машину я приткнул на служебной парковке во дворе городского управления внутренних дел, совершенно нагло, прямо перед высоким крыльцом. Вообще-то, там стояли в основном служебные полицейские машины. Им составляли компанию лишь несколько частных автомобилей. Я предположил, что они принадлежали так называемым ответственным сотрудникам, то есть таким, которые имеют высокие должности и звания. Немалые трудовые доходы позволяют им иметь такие вот не самые дешевые тачки.

Я сотрудником городской ментовки, понятное дело, не являлся. Даже внештатным, хотя по уставу своей службы обязан был оказывать всяческое постоянное и безоговорочное содействие сотрудникам правоохранительных органов. Но полиция, как говорят, почти то же самое, что авиация. А поговорка о том, что порядок кончается там, где начинается авиация, родилась намного раньше меня.

Никто не потребовал от меня выставить автомобильчик за пределы управленческого двора, обнесенного кованой решетчатой оградой, где не положено стоять машинам визитеров. Но если они не повесили на въезде соответствующий дорожный знак, значит, и запретить мне сюда заезжать не имеют права.

Своего отдельного бюро пропусков в городском управлении внутренних дел, в отличие от привычного мне штаба округа, не имелось. Пропуска обычно выписывал дежурный по управлению, заодно и по городу. Пропуск меня уже ждал.

Незнакомый майор посмотрел на меня как собака, у которой я только что отнял и съел недельную норму сухого корма и пару сарделек вдобавок, потом спросил с нескрываемой профессиональной лютостью:

– Кабинет знаете?

– Бывал там, – ответил я спокойно и скромно, поскольку собак не боюсь, даже уважаю, отчего надеюсь на взаимность.

При этом я не стал в деталях объяснять, в качестве кого посещал уголовный розыск. Тут могут появиться и заявители, и свидетели, и обвиняемые, и вообще кто угодно. Дежурного это мало касалось, пока ему не дали приказ на мое задержание. А он, похоже, такого приказа с детства ждет. Это я по его взгляду понял.

Поднявшись на этаж, я постучал в дверь.

– Входите, Тим Сергеевич, – услышал я фразу, произнесенную приветливо, в то же время и серьезно, по-деловому.

Я вошел, не выказывая никакого удивления, что меня узнали через закрытую дверь. Окна кабинета выходили во двор, и Радимова могла видеть, как я приехал. Машину мою она не просто знала. Даже ее кот Шлягер уже пометил ее.

Капитан Саня на мужской манер протянула мне руку. Я постарался не сжимать ее, но она все равно слегка поморщилась. Хозяйка кабинета сразу опустилась за стол и предложила мне присесть напротив, в старое кресло, продавленное посетителями. Но оно оказалось мягким, удобным и вполне меня устроило.

– Я позвала вас, чтобы привлечь в качестве консультанта, возможно, и в куда более широком, если в этом будет необходимость. С вашего, естественно, согласия.

– Я понял. Мне Новиков кратко объяснил суть дела. Только я не совсем уловил, по какому конкретному вопросу могу вас проконсультировать.

– По двум. Вы же по своему прежнему профилю службы – антитеррорист?

– В какой-то степени, весьма, я бы сказал, ограниченной. Из меня легче террориста сделать. Как-никак, я профессиональный диверсант. А это близкие понятия.

– Но вы же сможете дать точное определение, проходит дело по антитеррористической деятельности или же это просто уголовное преступление?

– Если я не знаю, о каком именно деле идет разговор, то как могу что-то говорить?

– Да. Конечно, я слегка тороплюсь. Давайте сначала с делом вас познакомлю. – Она взяла с края стола весьма толстую папку и положила ее перед собой.

У меня при виде этой папки чуть зубы не заболели – такая она была объемная.

Но капитан Саня, наверное, все же заметила, как вдруг вытянулось мое лицо. Любому сыскарю положено уметь не упускать такие вещи.

Поэтому она торопливо добавила:

– Только в общих чертах.

– Я весь внимание.

– Ситуация у нас сложилась такая. В разных районах страны за один день взорвались три посылки. Две из них были отправлены по почте, одна – через так называемую службу доставки «Пони». Погибли в общей сложности десять человек, причем все – люди посторонние, не имеющие, видимо, никакого отношения к делу. Есть случайные пострадавшие – соседи, сослуживцы, просто прохожие. Трое раненых. Особенно тяжелое ранение получил трехлетний ребенок, мать которого проходила с коляской мимо кафе, где произошел взрыв. Ребенка изрезали осколки оконных стекол. Один из них застрял у него в сонной артерии, и его извлечение представляет собой серьезную проблему. Детский мозг не выдержит даже кратковременного отсутствия питания кровью, и потому предстоящая операция считается серьезной. Взрывные устройства были начинены поражающими элементами. В качестве таковых использовались обыкновенные небольшие гвозди, которые можно купить в любом хозяйственном или строительном магазине. Поиск по этому направлению не имеет смысла, поскольку гвоздей везде и всюду покупается великое множество. Производитель отправляет их чуть не в половину регионов страны. Все три адресата, которым отправлялась взрывчатка, – близкие родствен-

ники. Была еще одна посылка, но задержалась. Человек, которому она была предназначена, уже знал, что случилось с его родственниками, поэтому сразу обратился в ФСБ. Посылку с почты изъяли и нашли в ней самодельное устройство, которое взрывотехники ФСБ дезактивировали и оставили у себя для исследования. – Радимова положила ладонь на папку с материалами уголовного дела и слегка прихлопнула ею, показывая этим, что завершила вступительное слово.

Только после долгой паузы, потребной ей для того, чтобы собраться с мыслями, открыть папку и глянуть на одну из нижних страниц, она продолжила:

– Началось все с пожилой женщины, пенсионерки, бывшей учительницы русского языка и литературы одной из московских школ, Елены Анатольевны Нифонтовой. У нее своя фамилия. Когда замуж выходила, оставила ее, чтобы не менять кучу документов. Это типичная ситуация с людьми, которые прожили в гражданском браке долгие годы и только через пару десятилетий решили зарегистрироваться. Обычно эти люди остаются при своих фамилиях. Но вернемся к Елене Анатольевне. Она в настоящее время проживает в деревне. Уехала туда сразу после выхода на пенсию. В Москве сдает трехкомнатную квартиру в самом центре, на Тверской. Но о квартире позже. Это особый предмет разговора. Короче говоря, в тот день Елене Анатольевне позвонили с почты, сообщили, что пришла посылка. Она пошла получать. У пожилой женщины больные ноги, ходить ей трудно. В этот день, говорит, боли были особенно сильными. Еле-еле шла. Да и посылка была тяжелая. Донесла она ее до калитки, села на лавочку отдохнуть. Мимо проходил местный житель, некто Николай Сорокин, рабочий фермерского хозяйства. Елена Анатольевна попросила его занести и вскрыть картонную коробку. Он затащил, положил на крыльцо, примыкающее к веранде. Хозяйка пошла в дом за ножом. Когда она нашла его и выходила обратно, произошел взрыв. Женщину ударило вылетевшей входной дверью и взрывной волной. Есть еще сильный порез мягких тканей предплечья ножом, который она выносила. При падении произошел, как женщина утверждает, перелом шейки бедра. У ее подруги были те же ощущения, когда та получила такую вот травму. Врачи делали снимок, уверяют, что о переломе речь вообще не идет. Если что-то и есть, то только ушиб, да и то незначительный. Ее состояние не внушает медикам особых опасений, хотя Нифонтова человек мнительный и психически неуравновешенный. Как говорят врачи, у таких порой болят даже зубы, удаленные сорок лет назад. Это называется фантомными болями. Пострадавшая имеет такую особенность, поэтому ее болезненные ощущения врачи считают преувеличенными. – Капитан Саня улыбнулась. – Не смотрите на меня так, Тим Сергеевич. Это не я такая умная. Все внесено в материалы дела. Я просто запомнила медицинские термины.

– Чтобы запомнить, тоже следует память иметь, – не удержался я от комплимента.

Она продолжила рассказ, перебарывая этим свое смущение:

– Следующая посылка была отправлена младшему брату Елены Анатольевны – Максиму Нифонтову. Он майор ФСИН, служит в исправительно-трудовой колонии начальником отряда. Там с посылкой тоже вышла неувязка. Она должна была быть вручена в руки адресату. Видимо, отправитель знал, что Максим Анатольевич плохо живет с женой и последние полтора месяца вообще дома не показывается, ночует то у друзей, то прямо в зоне, в своем кабинете. Он даже написал заявление на предоставление ему комнаты в офицерском общежитии. Видимо, именно поэтому посылку ему отправили на рабочее место. Но так уж получилось, что майор Нифонтов ночью дежурил и был свободен на сутки, отдыхал. Сотрудник службы доставки пытался уговорить дежурного по ИТК принять посылку. Тот даже пошутил, что в ней может быть бомба, и отказался принять ее. Сотрудник службы доставки был сильно расстроен тем, что придется еще раз ехать туда же на следующий день. Он вернулся с посылкой к микроавтобусу и грубо зашвырнул ее туда. Это видел офицер, проходящий мимо. Посылка при грубом броске детонировала. Машину разнесло в клочья, водителя и сотрудника тоже. Офицер, на глазах которого все и произошло, получил два осколка в конечности и один в шею. Он был заброшен взрывной

волной далеко в кусты, которые ободрали его, но все же спасли, смягчив падение. Офицера потом нашли просто по случайности, поскольку сам он был без сознания.

– С такими мощными взрывами мне встречаться приходилось. Помню, однажды фугас, заложенный под дорогой, на моих глазах высоко подбросил БМП и перевернул. Машина приземлилась на башню. Рассказывал потом специалистам, они скептически хмыкали. Но я-то своим глазам верю.

– Я в вашей правдивости нисколько не сомневаюсь, Тим Сергеевич. Иначе не пригласила бы. Второй взрыв был особенно сильным. По данным экспертов, сработало взрывное устройство, эквивалентное четырестам граммам тротила. В первом случае эксперты определили взрыв в двести граммов в тротиловом эквиваленте.

– Хорошая была, наверное, взрывчатка. В последнее время в самодельных устройствах все чаще встречаются низкоэнергетичные взрывчатые вещества типа пороха. Иногда даже черного. От них подобной взрывной волны не бывает. Хотя порох обычно используется для взрывов направленного действия, с большим количеством поражающих элементов, бьющих точно в цель, например в машину. А это наверняка был бризантный заряд.

– Да, – согласилась капитан Радимова. – Эксперты из химической лаборатории ФСБ определили, что во всех трех случаях взрывался состав С-4, то есть пластит. Он же был заложен и в четвертом взрывном устройстве. Но я буду говорить обо всем по порядку. Итак, в тот же день в другом городе был произведен еще один взрыв. Кафе «Венецианский дворик». Посылка пришла на имя Ольги Максимовны Садовщиковой, домой. Эта фамилия в замужестве. Девичья у нее...

– Нифонтова, – без натуги догадался я.

– Все-то военная разведка знает, – посетовала капитан Саня.

– Я уже не военная разведка, а, с вашей легкой руки, капитан частного сыска, которому по долгу службы тоже полагается кое-что знать и кое о чем догадываться.

– Тем не менее к хорошему легко привыкаешь, даже если это только профессиональные моменты. Привычка у вас такая, Тим Сергеевич, все знать.

Я с улыбкой развел руками, принимая шутку.

– Муж Ольги Максимовны был человеком, как она сама говорит, маниакально ревнивым. Он забрал у нее паспорт, чтобы самому получить посылку и проверить, кто и что прислал ей. Этот Юнус Садовщиков работал поваром в кафе «Венецианский дворик». Он сбежал за посылкой и вскрыл ее прямо на кухне, которая тут же взлетела на воздух. Хорошо, что было жарко и посетители сидели на летней террасе, по другую сторону тротуара. Но два человека все равно пострадали от осколков стекол. Да еще и ребенок!.. Мать не вовремя ехала с коляской мимо. Погибла бригада поваров и администратор кафе. Про четвертую посылку я уже говорила. Она была отправлена в адрес Юрия Нифонтова, брата Ольги. Это дети Максима Анатольевича от первого брака. От второго у него детей нет.

– Значит, кто-то попытался уничтожить представителей целого рода!..

– Не совсем. Есть еще одна представительница семейства Нифонтовых. Некая Аглая. Ее отец – Николай, старший брат Елены Анатольевны, пару лет назад умер. Аглаю Николаевну взорвать не пытались. Живет она в нашем городе.

– Я только собирался задать вопрос – почему следствие ведется в нашем городе. Взрывы-то были в других местах. А вы уже ответили. Мысли мои втайне читаете?

– Вообще-то, следствие ведут федеральные инстанции. Мы лишь помогаем им по мере сил. Не только наш уголовный розыск, но и отделы уголовного розыска в других городах, где произошли взрывы. На нас возложена особая задача. Дело в том, что во всех четырех случаях в качестве оболочки взрывного устройства использовался стандартный пластмассовый ящик для инструментов, который можно купить в любом хозяйственном магазине. Но почтовые коробки имеют свои определенные стандарты. Ящик для инструментов не подходит ни под одну из

этих коробок. Поэтому преступнику или таковому пришлось набивать коробки уплотнителем, чтобы ящик не болтался и не детонировал раньше времени, до вскрытия. Везде, в каждом из четырех случаев, в качестве уплотнителя использовались газеты. Все они центральные. Их можно купить в любом городе России. Но в целой коробке нашелся экземпляр «Комсомольской правды» с внутренним вкладышем, издаваемым в нашей области. Преступник не подумал об этом и использовал газету не глядя. Так появилась привязка номер один. Есть и еще одна, номер два. Это Аглая Николаевна Скоморохова, в девичестве Нифонтова. Так появился и подозреваемый. Пока только один, хотя их вполне может быть двое. Это муж Аглаи Николаевны, подполковник спецназа ГРУ в отставке Виктор Федорович Скоморохов. Они живут в нашем городе. Не знакомы с таким человеком?

– У нас слишком большой город, чтобы я, недавно поселившийся в нем, знал здесь всех отставных офицеров спецназа. Только мне вот любопытно, какие есть основания подозревать отставного подполковника? Против него есть конкретные улики? Разумеется, кроме этой газеты. Потому что эта улика не серьезная. Кстати, а в других посылках какие газеты были?

Капитан Саня стала объяснять мне, прямо как учительница неумному ученику:

– Газеты, которые были в посылках, сгорели. Взрыв вызывает пожар, который обычно жадно пожирает бумагу. Газеты, понятное дело, сначала вытаскивали, чтобы ящик для инструментов освободить, и выкладывали рядом. Если поблизости от места взрыва находится горючий материал, то он, как правило, имеет способность воспламениться. Вы должны это знать.

– Не должен, товарищ капитан, я такого понимать. Уж извините меня великодушно, но не могу. Даже по сгоревшей газете, если профессионально работать, можно определить, что это за издание. У нас, помню, во время одной операции на Северном Кавказе был такой прецедент. Дом во время нашей атаки сгорел вместе с убитыми бандитами. Он был обстрелян термобарическими гранатами и, по сути дела, уничтожен. Деньги, которые были завернуты в газету, тоже сгорели. Но эксперты определили, что газета турецкая. Даже по останкам! Сумму тоже назвали. Заметили даже, что часть денег была фальшивой. Все это по пеплу, который тоже поддается анализу, если работать профессионально!

– Хорошо, значит, следственная бригада, прикрепленная к вам, работала внимательно. Эксперты понимали, что можно использовать. У нас же во всех трех случаях, когда произошли взрывы, осмотры производились, судя по протоколам, весьма поверхностно. Я бы такой протокол просто вернула в оперативную бригаду. Но у них свои порядки. Нас в других областях, тем более в судебно-медицинской экспертизе иных регионов, к сожалению, не спрашивают.

– Ладно. Так какие улики кроме газеты есть против Скоморохова?

– Имеются не только мелкие и почти недоказуемые улики типа той самой газеты. Есть мощный мотив, который сразу отметили в следственном комитете и посчитали его достойным тщательной проверки. Квартира Елены Анатольевны. Угловая трехкомнатная полнометражная, расположенная на Тверской улице, рядом с памятником Юрию Долгорукому. Из окна кухни открывается вид на него, пусть и сбоку. Я даже не представляю, сколько такая квартира может стоить. Могу только сказать, что больше миллиона долларов. Семья Скомороховых не так давно покупала себе жилье по ипотеке и сейчас испытывает большие трудности с выплатой процентов банку.

– Это и есть мотив? – спросил я.

– А разве нет? Сотрудники следственного комитета считают это очень серьезным мотивом. Если бы все четыре взрыва удалось, то единственным человеком, имеющим право на эту квартиру, осталась бы Аглая Николаевна Скоморохова. Муж и два неженатых сына Елены Анатольевны погибли девять лет назад в автомобильной катастрофе. Больше нет ни одного наследника. Правда, мотивом это называют москвичи. В столице за такие квартиры убивают. У нас похожих страстей, слава богу, пока не наблюдается. И еще вот что. Алиби отставного подполковника Скоморохова подтвердить никто не может. В день отправки посылки из Москвы

он находился якобы на рыбалке. Один. Этот человек вполне мог вылететь в Москву по чужим документам, если имеет таковые, потом таким же образом вернуться и приехать домой якобы с рыбалки. Обеспечить алиби преступники стремятся в первую очередь. Правда, у них это не всегда получается. Улики часто доказывают, что свидетели, подтверждающие алиби, лгут. Приходится привлекать их к ответственности.

– Да, про эти истории с алиби мне Новиков много рассказывал и просил не сильно на этом заикливаться. Я запомнил. Думаю, что бывший подполковник спецназа ГРУ без особых проблем сумел бы обеспечить себе стопроцентное алиби с кучей свидетелей. Естественно, только в том случае, если бы у него была в этом острая необходимость.

Капитан Саня молчала, позволяя мне обдумать полученную информацию. Я, вообще-то, к высказанному мотиву отнесся так, словно прокисшей квашеной капусты объелся. Но, наверное, я мог оказаться и неправым. Ведь каждый человек, в том числе и офицер спецназа, имеет полное право относиться к деньгам по-своему. Но мне не верилось, что мужик, служивший с такими же офицерами, как я, воспитывавший солдат в духе чести, мог пойти на преступление корысти ради, убивать ни в чем не повинных людей таким вот жутким способом. Деяния подобного рода совершенно справедливо именуются террористическими.

При этом я прекрасно понимал, что все люди являются только продуктом общественной системы. Она у нас перевернулась с ног на голову еще в девяностые годы прошлого века. Нашлись силы, которые настойчиво пытались поставить россиян на уши. Многие до сих пор пребывают в этой позиции. Попривыкли. Сейчас общество вроде бы пытается подняться на ноги, но пока умудрилось только встать враскорячку, на все четыре конечности.

Наверное, спецназа ГРУ это тоже коснулось. Но в меньшей степени, чем других слоев общества.

Я даже попытался объяснить собеседнице свою точку зрения:

– Понимаете, товарищ капитан, иногда случается, что человек хотя бы один раз рискует жизнью, выполняя свой общественный и офицерский долг. Он готов своей грудью прикрыть солдата, даже незнакомого ему. Тут-то в нем и проявляются некоторые конкретные черты характера, не свойственные широким слоям современного общества в целом. Это из области психологии. Какой-то внутренний перелом происходит. Я не говорю, что такой человек уже становится неспособным на подлость и предательство. Но процентов на восемьдесят эта способность в нем уменьшается. Я не знаю, где и какие должности занимал Скоморохов. Но, дослужившись до подполковника, он наверняка имеет весьма богатый послужной список. Думаю, что этот человек принимал участие в боевых действиях. Наверное, прошел обе чеченские войны, да и после этого кое-чего хлебнул. Убить кого-то сгоряча, просто в свое удовольствие набить морду своему участковому – в это охотно поверю. Но не в корыстное преступление. Он наверняка опытный офицер...

– Был комбатом, – подсказала Радимова.

– Это уже стопроцентная гарантия того, что он воевал. Следовательно...

Завершить фразу мне помешал телефонный звонок. Я вытащил из кармана смартфон. Определитель показал мне номер полковника Быковского.

– Да, Страхов. Слушаю вас, товарищ полковник.

– Тим Сергеевич, сильно сейчас занят?

– В данный конкретный момент занят, но не думаю, что надолго. Я нужен?

– Нужен, товарищ капитан частного сыска. Как освободишься, сможешь ко мне заехать?

– Без проблем, товарищ полковник.

– Тогда буду тебя ждать. Никуда пока не поеду. Пропуск я на тебя закажу.

– Понял, Василий Игоревич. Как закончу разговор, сразу к вам еду. – Я убрал аппарат.

– Быковский? – спросила капитан Саня.

– Он самый.

– Как я догадываюсь, тоже по делу Скоморохова.

– Откуда такая уверенность? Мне лично полковник этого не сообщил.

– Интуиция. Гермес Триждывеличайший писал в своей «Изумрудной скрижали», что подобное притягивается подобным. Наверное, это работает. Наверняка действует. Я сама многократно сталкивалась с чем-то подобным. Ладно, сейчас мы не об этом. Меня интересует ваше мнение по двум вопросам. Можно ли эти взрывы классифицировать как террористические действия?

– Они были бы террористическими действиями, если бы имели своей целью запугать общество и несли бы в себе какие-то политические мотивы. Пока я такого не просматриваю. Вижу только криминал. Есть, правда, один из признаков терроризма – общественно опасное действие. Хотя этот момент часто входит в состав чисто криминальных преступлений, и трактовать дело можно по-разному. Но вся совокупность террористических признаков тут не просматривается.

– Хорошо. Пусть криминал. Значит, наш профиль. Следующий вопрос. Вы имеете возможность навести какие-то справки о личности Виктора Федоровича Скоморохова?

– Не могу обещать, но попробую. Через того же полковника Быковского попытаюсь сделать. Еще какие-то вопросы ко мне есть?

– Если что-то будет, я позвоню вам или Новикову. Он передаст. Не забываете обо мне. Всегда буду рада сотрудничеству.

– Договорились. Если не хотите, чтобы меня на выходе из вашего здания расстреляли, то отметьте в пропуске убийство. Сегодняшний дежурный у вас подозрительный, самый что ни на есть классический мент.

Глава 2

Из городского управления внутренних дел я сразу поехал в штаб округа. Спустился в подвал, получил бумажечку в бюро пропусков, быстро миновал знакомые коридоры и скоро уже стучал в дверь кабинета полковника Быковского.

Василий Игоревич, видимо, работал с какими-то важными документами, и потому дверь была закрыта на ключ изнутри. Я слышал, как он встал после моего стука, закрыл скрипучую створку несгораемого ящика, гордо называемого сейфом, только после этого прошел к двери в кабинет и открыл ее.

– Заходи, Тим Сергеевич. Я тебя ждал чуть позже, но чем раньше, тем лучше.

Я опустился на старый стул, маркированный алюминиевой бляшкой и придвинутый к приставному столу. Полковник вернулся на свое место, сел, прокашлялся в кулак и лишь потом спросил:

– Как тебе в агентстве работается?

– Я всегда чувствую себя скверно, когда настоящего дела не имею. А их на меня не хватает. То ли просто нет, то ли не доверяют. На протяжении многих лет я привыкал к напряженному рабочему дню у себя в роте, и сейчас мне, честно скажу, трудно перестраиваться. А серьезных поручений для меня пока никто не нашел. Все наши детективы – бывшие сыскари. Они мне, похоже, не слишком доверяют. Если и просят кого-то помочь, то друг к другу обращаются. Считают, похоже, что между армейским разведчиком и настоящим детективом целая пропасть. Я пока никак не могу доказать, что ее можно преодолеть со специальными средствами. Военная разведка обучена таким методам. Короче говоря, скучаю пока. Изучаю правовые акты, что тоже, говорят, важно. Но не отчаиваюсь. Жду, когда что-то появится и я себя смогу показать с хорошей стороны. Тогда, думаю, и отношение ко мне изменится. А пока приходится сидеть, как в засаде, и ждать своего часа. Что же делать, товарищ полковник. У меня только два пути было из всего, что я осмысливал. Первый тот, которым я и пошел, второй – в таксисты податься. Работу охранником я сразу отмел, это не для моего характера. В бандиты по той же причине податься не могу. Просто втихомолку спиться мне не по нраву. Вот и выбрал из двух вариантов.

– Такое отношение к тебе скоро изменится. Я как раз заказ готовлю персонально для тебя. Думаю, что он весьма денежный будет, даже твое начальство удовлетворится.

– Финансовые вопросы меня не касаются. Они мимо проезжают на такой высокой скорости, что я даже рассмотреть их не успеваю. Это все проходит через генерального и финансового директоров, бухгалтерию.

– Да, я позвоню сегодня Новикову, спрошу цену, чтобы лишнего не платить. Офицеры бригады, не нашей, из другого округа, собирают деньги, чтобы оплатить твою работу. Я в данном случае определен в качестве посредника при сделке. Работаю бесплатно, без маржи.

– Я готов, товарищ полковник, приложить все усилия. Что за работа?

– Ты с подполковником в отставке Скомороховым не знаком?

– Никак нет, товарищ полковник, – ответил я и улыбнулся.

– Чему радуешься?

– Больше удивляюсь, чем радуюсь.

– Чему удивляешься?

– Проницательности капитана Сани Радимовой.

– А что она?.. – не понял Быковский.

Но он, как мне казалось, относился к Радимовой вполне положительно, поэтому тоже улыбнулся.

– Я у нее в кабинете был, когда вы позвонили. Она как раз рассказывала мне всю эту историю со Скомороховым, консультировалась и слышала, как я вас по званию называл. Я с вами поговорил, и Радимова предположила, что вы желаете со мной побеседовать как раз по этому вопросу. О подполковнике Скоморохове.

– Молодец, если сообразила. А она к этому делу каким образом приклеена? Вроде бы тутошняя уголовка здесь ни при чем.

– Уголовный розыск – инструмент, который в этом случае используют инстанции рангом повыше. Просто привлекают в качестве чернорабочих, – обтекаемо ответил я.

– Дело вроде бы не местного масштаба. Следствие по всей России идет.

Мне пришлось объяснить Быковскому историю с газетой «Комсомольская правда», которая привязала дело к нашей области и лично к подполковнику Скоморохovu.

– Неужели ты веришь, что военный разведчик допустил такой прокол? – возмутился Быковский. – Ты сам мог бы так вот, без головы, использовать первую же газету, попавшуюся под руку?

– Моего мнения, товарищ полковник, не спрашивали. Я только объясняю, как это дело пришло в местный уголовный розыск. Кроме того, подполковник Скоморохов в нашем городе проживает. Это еще одна причина. Наши ближе, им проще присмотреться.

– Ладно. Но у нас и кроме уголовного розыска найдутся инстанции, которые горят желанием присмотреться к Скоморохovu. Короче говоря, дело такое. Мне звонили из Москвы, сам командующий. К нему с официальным письмом обратились офицеры бригады, где раньше служил Скоморохов. ФСБ затребовала у штаба соединения подробнейшую характеристику на Скоморохова. Оттуда пришел перечень довольно хитрых вопросов. Любой ответ на какой угодно из них можно было бы повернуть и так и сяк. Но в штабе бригады просчитали ситуацию, вопросы проигнорировали, написали по-своему. Сейчас офицеры собирают деньги, чтобы нанять адвоката или детектива и провести частное, независимое расследование. В бригаде никто не верит в преступность подполковника. Командующий спросил, есть ли у меня возможность найти в городе человека, который смог бы обеспечить эффективную линию защиты или провести частное следствие. Памятуя, как мы недавно совместно работали, я взял на себя смелость и порекомендовал тебя. В прошлом расследовании ты проявил себя хорошо, хотя еще и не был капитаном частного сыска. Тогда тебе противостояли силы, какие найдутся далеко не в каждом областном центре. Надеюсь, что и сейчас справишься. Всю возможную помощь обещаю не я, ее гарантирует командующий. А это, как понимаешь, серьезно. Возьмешься?

– Конечно. Я уже чувствую себя почти боевым товарищем с подполковником Скомороховым. Если за него готовы поручиться офицеры бригады, это автоматически значит, что этому человеку верит весь спецназ ГРУ. Во главе со своим командующим. Для меня дело чести провести такое расследование и добиться положительного результата. Возьмусь и обещаю, что приложу максимум старания, товарищ полковник! – объяснил я, возможно, с излишней, не присущей мне горячностью.

Но Быковский понял, что горячность эта от возмущения. Он, как и я, не одобрял обвинений, выдвинутых против заслуженного офицера спецназа.

– Тогда тебе придется подождать. Я сейчас позвоню в Москву, скажу, что ты берешься, и они перешлют нам личное дело Виктора Федоровича. Отправят его, конечно, шифрованной связью. Подобные документы можно пересылать только так или фельдъегерской связью. Второй вариант – вопрос нескольких дней, которых нам ситуацией не отпущено. Значит, пришлют, у нас расшифруют, потом только мне доложат. Познакомишься со Скомороховым сначала заочно, а потом и лично. Это, я считаю, обязательно. Если у тебя нет его адреса, то я найду. Ты сегодня же должен с ним встретиться. Все мне докладывай. А я буду сообщать командующему. Твоя работа на его прямом контроле. Если будут возникать осложнения, а они, веро-

ятно, никуда не денутся, сразу обращайся ко мне. Постараемся решить любые вопросы. А для тебя это отличная возможность зарекомендовать себя с наилучшей стороны.

Это прозвучало так, словно мне в случае удачного выполнения работы пообещали вернуть должность командира роты. Приятно, хотя слегка тоскливо засосало где-то под ребрами. Но я уже знал, что после заключения медицинской комиссии перевернуть ситуацию уже не по силам даже командующему войсками спецназа ГРУ, у которого не настолько много власти, чтобы еще и медицинскими светилами вертеть.

Тем не менее стимул у меня и без того имелся высокий. Я готов был горы свернуть, чтобы показать командующему, какого спеца наша служба во мне потеряла. Нет, не просто офицера, умеющего воевать. Таких у нас много. Но и человека думающего, внимательного, умеющего делать выводы, адекватные ситуации. То есть квалифицированного военного разведчика. А хорошие мастера такого рода всегда в дефиците и в цене.

– Дополнительно я запросил досье на Скоморохова в ФСБ. Там говорят, что тоже много чего против него имеют. Мне уже обещали передать эти материалы. Я чувствовал, что ты не откажешься помочь коллеге.

Личное дело подполковника Скоморохова было довольно объемным. В Москве его зашифровывали и передавали частями. Начальник шифровального отделения разведуправления приносил распечатанные тексты и вручал под роспись полковнику Быковскому, а тот, сам не читая, передавал их мне.

Я сидел за одним из свободных столов большого кабинета Быковского и предельно внимательно просматривал документы, потому как знал, что вынести их отсюда мне никто не позволит. Читать эти тексты дома в свое удовольствие, как увлекательный приключенческий роман, я никак не смогу.

По идее, будь я писателем, просто, ничего не придумывая, описывал бы армейскую жизнь подполковника Скоморохова. В итоге получилась бы увлекательная, абсолютно правдивая книга.

Признаться, я, боевой офицер, читал все это не просто с интересом, но даже с некоторой, не побоюсь признаться в этом, завистью. Но это чувство внушало мне только повышенное уважение к предмету моего интереса. В моей душе не возникало никакого негатива. Может быть, это следовало бы назвать не завистью, а как-то еще, но другого более-менее подходящего термина я просто не подобрал.

Виктор Федорович Скоморохов воевать начал рано, еще лейтенантом, командиром взвода. Через четыре месяца после выпуска из девятой роты Рязанского воздушно-десантного училища¹ он попал в Афганистан. Год вместе со взводом ползал по тылам духов, выставлял засады на караванных путях, по которым перевозились вооружение, боеприпасы и наркотики.

Командующий советскими войсками в Афганистане генерал Громов последним в воинской колонне покинул эту страну и заявил, что за его спиной не осталось ни одного солдата. Нет, не совсем так. Там находились бойцы спецназа ГРУ. Громов, возможно, просто не знал об этом.

Одну из этих групп возглавлял лейтенант Скоморохов. Она состояла из двух с половиной отделений его взвода. Эти бойцы, образно говоря, кое-что подчищали за армией.

К примеру, взвод Виктора Федоровича захватил и уничтожил штаб группировки талибов и сжег документы, ранее захваченные ими. В них говорилось о взаимодействии местных властей с частями Советской армии. Это делалось во избежание расправы, которую могли устроить талибы с теми, кто работал с шурави при прежней власти.

¹ Девятая рота Рязанского воздушно-десантного училища готовила офицеров для спецназа ГРУ и была некогда единственным учебным подразделением такого плана.

Задачу свою взвод выполнил, несколькими ловкими маневрами уклонился от преследования, а потом совершил невозможное. Бойцы прошли через целую горную провинцию, уже занятую противником, контролирующим все дороги и тропы, зная их куда лучше спецназовцев.

Солдаты добрались до границы с СССР, проходившей по реке Пяндж, пересекли ее и вышли в заповедник «Тигровая балка», расположенный на территории Таджикистана. Их не заметили даже советские пограничники, которые в заповеднике имели некоторые ограничения в передвижении и наблюдении. На контрольно-следовой полосе, которая тогда опоясывала весь Советский Союз, были оставлены следы стаи кабанов и больше ничего.

За пределы погранзоны спецназовцев вывел обходчик заповедника, бывший солдат того же взвода. Только теперь лейтенант Скоморохов вышел на связь и дал свои координаты. Взвод посадили на вертолет и вывезли к месту постоянной дислокации. Помимо ордена Красной Звезды командир взвода за эту операцию получил внеочередное воинское звание старшего лейтенанта.

Позже на счету Виктора Федоровича было участие в свержении президента Грузии Гамсахурдиа, помощь в качестве военного специалиста армянским ополченцам Нагорного Карабаха, участие в двух чеченских войнах, несколько поздних командировок на Северный Кавказ, участие в короткой военной операции по спасению населения Южной Осетии от грузинской агрессии.

В отставку он вышел в декабре четырнадцатого года. После того как был тяжело ранен в то же место на голове, куда уже получил осколок снаряда танковой пушки во время операции в Южной Осетии. На инвалидность Виктора Федоровича не отправили, дали послужить в должности командира батальона еще полтора месяца после госпиталя. Но он сам уже не чувствовал в себе былых сил и попросился на пенсию, имея выслугу, льготы участника боевых действий и награды.

Перед тем как выйти на пенсию, Скоморохов командовал несколькими сводными отрядами на Северном Кавказе. Он проводил там операции по поиску и ликвидации бандитских баз, как действующих, так и запасных. В этом деле Виктор Федорович считался чуть ли не лучшим специалистом во всем ГРУ.

Это и не удивительно, поскольку еще в Афгане, в самом начале своей службы, он специализировался как раз на поиске баз духов и успел приобрести там определенный опыт. А бандиты с Северного Кавказа во множестве проходили подготовку в лагерях под руководством тех же талибов, как стали называться духи после вывода советских войск. По крайней мере, почти все эмиры бандитов обучались там. Поэтому свои базы они строили по тем же принципам, перенятым у талибов.

Я, честно говоря, был не в курсе, как через шифротелеграмму пересылаются фотографические изображения, но они тоже были получены. Возможно, в оригинале фотографии были цветными, но у нас они распечатывались на простом лазерном принтере, который не передавал всех тонов и оттенков. Тем не менее даже такая копия позволяла увидеть красивое и мужественное, немножко мрачноватое или просто суровое лицо, как мне показалось, хорошего человека. Я готов был попытаться защитить его.

Пообедали мы вместе с полковником Быковским в офицерской столовой штаба округа. Там всегда кормили очень даже прилично.

Когда мы вернулись с обеда, у дежурного по разведуправлению сидел человек в штатском, который встал при виде Быковского. О чем они разговаривали почти минуту, я не слышал, но заметил, что полковник кивком показал в мою сторону. Он словно представлял меня.

После этого полковник взял из рук незнакомого мне человека толстый бумажный конверт и впереди меня прошел в свой кабинет. Субъект в гражданском сразу двинулся в сторону выхода. Я, естественно, направился вслед за Быковским.

Василий Игоревич после обеда показался мне мрачным и вредным, каким обычно не выглядел. Я даже подумал, что у него что-то с желудком не в порядке. Но настроение ему мог испортить и этот человек, который дожидался полковника у дежурного.

– Из ФСБ кто-то? – спросил я.

– Почему ты так решил? – поинтересовался Быковский.

– Внешне похож. Старается простачком выглядеть. Незаметным хочет быть, чтобы на него внимания не обращали. А глаза слегка умные и три раза хитрые.

– Физиогномику изучаешь? – Этими словами полковник словно бы подтверждал мое мнение.

– Нет. Просто твердо знаю, что если человек пытается что-то не показать на своем лице, то именно это, как правило, и открывается в первую очередь. Давно уже такое заметил.

– Это подполковник Лихачев Леонид Юрьевич из следственного управления ФСБ. Так уж вышло, что в этой шахматной партии он играет против тебя.

– Не понял, товарищ полковник.

– Именно Лихачев ведет дело подполковника Скоморохова. Он должен доказать его вину. Твоя же задача, сам понимаешь, прямо противоположная. Как это можно сделать? Твое мнение?..

– Полностью? Чтобы никаких сомнений не было?

– Именно так и никак иначе. Я считаю, что пока у твоих противников фактов нет, только сомнения. Так что ты скажешь?

– Только одним способом. Нужно найти настоящего преступника.

– Вот-вот. Леонид Юрьевич Лихачев сказал то же самое. Но он же заметил, что ты изменишь свое мнение о Скоморохове, когда ты познакомишься с их данными. Как тебе такое утверждение?

– Никак. У меня всегда есть собственное мнение. А с выходом на инвалидность я получил возможность не прислушиваться и к ценным указаниям командования, сколь угодно высокого. Мое личное мнение всегда опирается на честь офицера. Я стараюсь быть правдивым прежде всего перед самим собой и не допускать нечестности в отношении других людей.

– Мое мнение, значит, ты можешь не учитывать?

– В данном случае мне не хочется учитывать ваши слова о шахматной партии, а вовсе не мнение. Я в шахматах не великий специалист, хотя слона от коня отличить могу не только по внешнему виду. Тем не менее я всегда считал и продолжаю считать, что шахматы – это только игра, соревнование интеллектов. А следствие – это человеческая судьба, может быть, жизнь. Называть его игрой я не могу и не хочу. Для меня это так же серьезно, как и для самого подследственного.

– В принципе, я одобряю такое вот твое отношение к этому делу. – Полковник Быковский, кажется, вернулся в свое нормальное состояние. – Наверное, я был не прав, назвав Лихачева твоим шахматным противником. Но шахматы – это, как ты правильно заметил, соревнование интеллектов. Как раз оно вам сейчас и предстоит. – Быковский показал мне на место, которое я занимал раньше, и положил передо мной большой и толстый бумажный конверт, принесенный Лихачевым. – Прочитай. Если вопросы будут, позвоним Леониду Юрьевичу.

Я сел читать.

В принципе, это были, как я понял, выжимки из уголовного дела. Целиком мне предоставлять его никто, естественно, не собирался. Даже капитан Саня только хлопала ладонью по папке, но не открывала ее. А уж подполковник Лихачев тем более, кажется, не имел таких

намерений, хотя у него экземпляр был свой собственный. Иначе он мог бы просто сделать ксерокопии с собранных документов и передать их полковнику Быковскому.

Нет, этот тип выполнял лишнюю работу, перепечатывал на компьютере отдельные эпизоды конкретных документов, на основании которых вполне возможно было бы составить весьма ложную картину. Подбор этих эпизодов был, как мне показалось, достаточно предвзятым и целенаправленным.

Хотя, может быть, в технической стороне вопроса я и ошибался. Подполковник Лихачев мог копировать эти эпизоды с файлов в своем компьютере и вклеивать их на отдельные страницы, не набирая заново. Думаю, в ФСБ, в отличие от уголовного розыска, делопроизводство ведется с использованием современных цифровых технологий.

Да, в уголовном розыске тоже стояли компьютеры. Только вот я дважды посещал кабинет капитана Сани и ни разу не видел, чтобы она пользовалась этой весьма полезной штуковиной. Я ее даже включенной не заставлял. Кое-какие документы, которые Радимова мне передавала за время нашего сотрудничества, были скопированы на ксероксе, а не распечатаны с компьютера. Не любят менты компьютерами пользоваться.

Хотя я однажды видел на посту ГИБДД, как какой-то майор-инспектор с умным видом смотрел в монитор и щелкал компьютерной мышкой. Он делал это настолько часто, что я имел все основания предположить, каков же род его занятий. Так и оказалось. Майор-инспектор отключил звук, чтобы не показывать свое увлечение, и с головой ушел в компьютерную игру. Но за его спиной на стене висел портрет президента страны в рамке и под стеклом. Изображение, находящееся на мониторе, отражалось в нем, как в зеркале.

Кусочки документов были расположены так, чтобы у их читателя постепенно создавалось определенное впечатление об отставном подполковнике Скоморохове. Посмотрев самые первые из них, я понял, что ФСБ начало интересоваться им не после взрывов.

Это произошло гораздо раньше, когда два его хороших знакомых уехали в Турцию, якобы на отдых. Оттуда они перебрались в Сирию и начали воевать в рядах боевиков ИГИЛ. Один из них – отставной офицер-спецназовец внутренних войск, второй – бывший капитан областного ОМОНа. Оба по национальности татары, вероятно, мусульмане, как и большинство представителей этого народа.

Честно говоря, я не видел в этом факте какой-то вины самого Скоморохова. Ведь не он же уехал. Но ФСБ, судя по всему, имело прямое указание смотреть на подобные дела совершенно иначе.

В вину подполковнику Скоморохову в данном случае ставилось то, что он не отзывался плохо об этих людях, хотя в разговорах и не одобрял такие действия. Этот человек не захотел, чтобы ФСБ формировало его публичное поведение.

Но я тоже не желал бы такого в отношении себя, поэтому был вполне в состоянии понять Виктора Федоровича. Есть у меня дурная привычка думать и говорить то, что в голове сидит. Причем непременно в моей собственной. Вовсе не то, что мне пытаются в нее вбить.

Мне подумалось, что подполковник Лихачев неправильно понимал то, что знал обо мне. Вот он и решил, что я буду хуже относиться к Скоморохову, когда узнаю о таких вопиющих фактах. Я же, напротив, посчитал Виктора Федоровича человеком вдумчивым, не суетливым и честным. Он не желал огульно, без разбирательства обвинять в чем-то людей, которых хорошо знал, таким образом в некоторой степени снимал с них вину.

В материалах, предоставленных мне, даже упоминалась какая-то местная телевизионная передача, когда Скоморохов в прямом эфире отказался осудить уехавших. По мнению подполковника Лихачева и его коллег, этим он мог подтолкнуть к такому же поступку и других людей.

Прочитав сей глубокомысленный вывод, я подумал, что поторопился назвать глаза Леонида Юрьевича умными. Они были только хитрыми и ничуть не более. Искры здравого смысла в них – это только легкое актерское искусство. Вывод, сделанный подполковником ФСБ, был

совсем не умным. Человек, умеющий мыслить, не будет подводить под такое индивидуальное дело, как человеческая порядочность, общественную идеологию и вопросы пропаганды.

Все прочие материалы относились уже непосредственно к событиям последних дней, к уголовному делу, возбужденному по поводу производства взрывов. Правда, обвинения подполковнику Скоморохову предъявлены не были, хотя он и считался первым подозреваемым. Про второго и третьего в бумагах, предоставленных мне, не было сказано ни слова.

Пока еще шел этап сбора материалов, которые могли бы приобрести весомость настоящих доказательств. Или нет. Это на мой сугубо субъективный взгляд.

Более того, на тот же самый мой субъективный взгляд, отдельные факты как раз говорили об обратном. Например, в бумагах с негативным подтекстом упоминалось о том, что Виктор Федорович регулярно выписывал и читал газету «Комсомольская правда». Но ведь это же как раз и говорило о том, что он знал о существовании областного вкладыша в упомянутой всероссийской газете.

Я, как, впрочем, и полковник Быковский, так и не поверил, что опытный военный разведчик мог допустить такой прокол – использовать газету из своего почтового ящика. Кроме того, раньше, как я помню, на полях всех периодических изданий, разносимых почтальоном, всегда проставлялся номер квартиры. Наверное, сейчас делается так же. Должен быть этот номер и на газете, которую кто-то использовал в качестве уплотнительного материала в посылке.

Но в материалах про это ничего сказано не было. Если бы номер существовал, то на него обязательно обратили бы внимание эксперты и следователи. Для них это важный факт, мимо которого пройти невозможно. Ну а я не мог не учитывать такой очевидной вещи, как опыт подполковника Скоморохова.

Еще я как специалист понимал, что опытный военный разведчик никогда не позволил бы себе четыре раза подряд использовать однотипные методы. Даже если предположить, что Виктор Федорович сознательно пошел на преступление, то надо учитывать, что он, не особо напрягаясь, сумел бы уничтожить этих людей тихо и обязательно разными способами, не похожими один на другой.

Это воспитанная годами практика. В нашей работе нельзя постоянно использовать одни и те же приемы. Иначе противник быстро разработает технологию защиты от них.

Тот же опыт наверняка позволил бы Скоморохову полностью обезопасить себя. Уж он-то сработал бы так, что на него ни при каких обстоятельствах невозможно было бы подумать. Какие обвинения? О чем это вы?

Еще один момент был, как мне казалось, порожден вопиющим незнанием сотрудниками следственных органов самой технологии работы боевых подразделений на Северном Кавказе. Виктора Федоровича безосновательно, не имея никаких фактов, пытались обвинить в похищении взрывчатки С-4.

Дело в том, что в последнюю свою командировку перед выходом на пенсию подполковник командовал сводным отрядом спецназа ГРУ. Подчиненные Скоморохова сумели найти в лесистых ущельях три схрона с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами. Все это, согласно актам, было уничтожено посредством взрывов. Но сотрудники следственного управления ФСБ считали, что командир сводного отряда спецназа имел полную возможность похитить часть взрывчатки для воплощения своих преступных замыслов.

Это мне казалось уже вообще запредельной глупостью. Каким образом можно похитить взрывчатку? На глазах у всех? Нагло? Или Скоморохову следовало предварительно перестрелять своих же солдат и офицеров?

Командир сводного отряда сам на операции выезжает не так уж и часто. Он присутствует на месте событий, только если они серьезные, связанные с ликвидацией сильной банды или даже группы таковых. Чаще всего командир эти операции просто планирует и отправляет куда следует взвод или несколько подразделений, в зависимости от сложности поставленной задачи.

Да, что-то прихватить там, конечно, можно. У меня в роте каждый взвод, которому по штату полагается ручной пулемет, имел и второй – нелегальный. Если во время таких командировок мне в руки попадало трофейное оружие, то я не брезговал возможностью усилить огневую мощь своих взводов. Это обычная практика, и высокие чины на нее всегда смотрят сквозь пальцы.

Но я не решился бы у всех на глазах похитить взрывчатку даже из схрона, который нашел лично. Пистолет или автомат – это еще куда ни шло. Нож, если он понравится, это вообще не вопрос. Но взрывчатку!.. На это сразу обратят внимание, тут же заметят.

Я несколько раз бывал в командировках, всегда работал со своими солдатами в составе сводных отрядов и ни разу не видел, чтобы командир отряда что-то брал для своих нужд. Довооружение подчиненных – это дело командиров взводов и рот. Комбат или начальник штаба батальона такими делами не занимаются.

На практике уничтожение схронов производится без присутствия командира сводного отряда. Иногда за этим присматривает представитель ФСБ. Командир сводного отряда только утверждает акт на уничтожение своей подписью, которая ставится в левом верхнем углу на первой странице. Он даже в глаза не видит то, что было уничтожено.

Поэтому саму возможность такого обвинения в адрес подполковника Скоморохова я считал откровенной глупостью и готов был даже выступить на любом суде как эксперт, чтобы в пух и прах разбить подобные домыслы стороны обвинения. Да и вообще, что это за обвинение такое, выдаваемое за факт – «имел возможность похитить». Надо же! С такой логикой следует сажать для профилактики хотя бы раз в три года каждого кассира из любого магазина.

Я дочитал бумаги до конца и с тяжелым вздохом отложил их от себя.

– Что?.. – настороженно спросил Быковский.

– Поторопился я...

– Признать Скоморохова невиновным? – спросил полковник с опаской, словно я подсунул ему стакан с самогонкой, чтобы запить чистый спирт.

– Нет. Поторопился сказать, что у подполковника Лихачева слегка умные глаза. Они тут одной глупости набрали и на основании этого надеются составить обвинения. «Имел возможность похитить взрывчатку»!.. Да вот я лично могу сказать, что с десятков раз, наверное, имел возможность ее спереть. Да, именно я, взводный и ротный, а не командир сводного отряда, который о взрывчатке знал только из моего доклада, а потом визировал мой акт на уничтожение. Но это же не значит, что я ее похитил. Все прочее примерно на таком же уровне. Есть и еще целое ведро вопиющих проколов.

– Беда в том, что суд часто верит подобным обвинениям, – мрачно сказал полковник.

– Мне кажется, что Скоморохову хотят прилепить не только чистой воды уголовщину, но еще и политику.

– Ему-то с какой стати?

– Прочитайте. С самого начала. Здесь политика не случайно приписана. Это, я думаю, предупреждение и мне, чтобы не совался куда не следует и не мешал ФСБ пару-тройку ведер помоев на Скоморохова вылить.

Василий Игоревич принял из моих рук документы вместе с конвертом и стал читать их. Он делал это споро, куда быстрее, чем я.

Полковник проглядел первые полторы страницы, отложил их, задумался на пару минут и только потом произнес:

– Боюсь, что ты прав. Кстати сказать, Лихачев очень даже не случайно произнес эту фразу. Мол, ты изменишь свое мнение о Скоморохове, когда познакомишься с нашими данными. Это, несомненно, предупреждение тебе, совет не упорствовать в своих, так сказать, заблуждениях. Такая попытка давления. Вполне в стиле КГБ...

– В стиле ФСБ, хотите сказать.

– Что хотел, то и сказал. Сейчас, в последние годы, это уже заметно. ФСБ начинает активно применять опыт работы КГБ. А тот, в свою очередь, учился у ГПУ. Тебя всерьез предупреждают, запугивают.

Я хмыкнул и улыбнулся.

– Чему радуешься, капитан частного сыска?

– Кто предупрежден, тот вооружен. Навещу-ка я сразу Виктора Федоровича.

Глава 3

Адрес подполковника Скоморохова был приложен к бумагам, которые предоставил мне для ознакомления подполковник Лихачев. Я запомнил его с первого взгляда. Это была та самая квартира, купленная под ипотечные проценты, непомерные для военного пенсионера.

Город я знал плохо, но не сомневался в том, что найду это место. Машина ждала меня на парковке перед штабом округа. Я коротко пообщался с навигатором. Он без проблем и даже без ненормативной лексики проложил оптимальный маршрут.

Оказалось, что живет подполковник Скоморохов неподалеку от меня, в том же длинном девятиэтажном доме, где и капитан Радимова. Только, судя по номеру квартиры, в другом его конце.

Дома наши стоят рядом, а улицы официально разные, хотя дорога между ними не проходит. Названия улиц сохранились здесь с тех времен, когда весь район был застроен небольшими частными домами. Теперь получалось, что какой-то один длинный дом растягивался на несколько старых улиц. Поэтому адрес ему присваивался на выбор, по названию любой из них, которая больше понравится чиновнику из градостроительного управления.

Номера дома капитана Сани я не знал. Иначе не было бы необходимости прибегать к помощи навигатора.

В это время суток по городу ездить было уже проще, чем с утра, и я добрался до цели достаточно быстро. На подъездах были написаны номера квартир. Я сначала подрулил не к тому, но быстро сориентировался и перебрался к нужному, соседнему.

Домофона на двери не было. Вход оказался свободным. Даже прокатиться на лифте мне не пришлось, поскольку квартира Скомороховых была на первом этаже, хотя и имела балкон.

Я имел представление о расположении квартир в подобных типовых домах, поэтому, подходя к подъезду, обратил внимание на немолодую женщину небольшого роста. Она возилась на балконе нужной мне квартиры, что-то перекладывала и звенела стеклом.

Мне хотелось надеяться, что перекладывает она не пустые бутылки. В данных на подполковника Скоморохова, которые пришли из управления кадров ГРУ, нигде ни разу не упоминалось о его пристрастии к спиртному. Если бы таковое имелось, то этот факт обязательно был бы отражен в документах. Такие в ГРУ порядки. Там пьющих спецназовцев не уважают.

Как и курящих. Под балконом валялось множество окурков. Но их могли бросать соседи с любого из девяти этажей. Или хотя бы с четырех-пяти нижних, потому что с верхних окурки летели бы дальше.

Я знал, что обстоятельства жизни часто меняют людей до неузнаваемости как внешне, так и в душе. Но мне не хотелось верить, что подполковник Скоморохов сильно сдал, опустился. Судя по данным, почерпнутым мною из документов ФСБ, его манере поведения и жизненной позиции, это был все тот же собранный и слегка жесткий человек. Таким же он держался и в должности командира батальона.

Я позвонил в дверь. Ждать пришлось не долго. Открыл мне сам отставной подполковник Скоморохов, которого я узнал по фотографиям, присланным из ГРУ.

Но я все-таки спросил, не для уточнения, а для начала разговора:

– Виктор Федорович?

– Так точно. Он самый.

Скоморохов выглядел довольно сурово, говорил грубоватым категоричным голосом хозяина квартиры и положения. Но в его словах звучал и вопрос. Мол, кто такой без зова ко мне пожаловал?

– Здравия желаю, товарищ подполковник. Разрешите представиться, капитан в отставке Страхов Тимофей Сергеевич. Спецназ ГРУ. По инвалидности ушел.

– Заходите, коллега. – Виктор Федорович неожиданно тепло улыбнулся и посторонился, пропуская меня.

Улыбка очень шла его суровому обветренному лицу.

Признаться, мне было приятно увидеть подполковника Скоморохова в хорошей форме, отметающей мои недавние грустные мысли о пьющем и курящем отставнике. Изменение образа жизни сразу отразилось бы во внешности, но она, насколько я мог об этом судить, осталась прежней.

Я разулся в прихожей и прошел в квартиру.

– Кто там, Витя? – донесся с балкона женский голос.

– Ко мне пришли. Коллега по службе. Сделай нам чайку.

Квартира была двухкомнатная, но оба жилых помещения оказались чрезвычайно тесными.

Полная женщина небольшого роста вышла с балкона мне навстречу. В руках она несла стеклянную банку с консервированными огурцами. Особа, видимо, хозяйственная. Наверняка эта семья и садовый участок имеет, что-то там выращивает. Как без этого прожить пенсионерам?!

– Сейчас сделаю. Вчера только печенья напекла. Примета хорошая. Каждый раз, как сделаю, кто-то в гости приходит. Хоть каждый день пеки, чтобы не скучать. – Она была приветливой и общительной.

В отличие от мужа, который такого впечатления не производил.

Подполковник показал мне на одно из двух кресел рядом с низким столиком. Такие раньше почему-то называли журнальными, хотя я ни разу не видел, чтобы на них кто-то держал какую-то периодику. Сам Скоморохов сел во второе.

– По делу или как?

– По делу, товарищ подполковник.

– Мы раньше встречались? Не припомню, хотя на память никогда не жаловался.

– Насколько я помню, нет. Я служил в местной бригаде. На Кавказе мы находились в разное время. Хотя в одних и тех же, насколько я понимаю, местах.

– Вы, кажется, хорошо осведомлены о моей служебной карьере.

– Да. Меня с ней ознакомили. Сразу скажу, что выполняю просьбу командующего войсками спецназа ГРУ. В настоящее время я работаю в частном детективно-правовом агентстве. Поэтому полковник Быковский обратился ко мне.

– Понятно. Это по поводу все тех же взрывов. Я ведь уже давал показания и следователю ФСБ, и какой-то женщине из уголовного розыска.

– Капитан Радимова, видимо. Ваша, можно сказать, соседка. В этом самом доме живет, только в первом подъезде.

– Да, так она представилась – капитан Радимова. Признаться, мне вся эта возня кажется несколько странной.

– Не только вам. Все в спецназе ГРУ считают ее, мягко говоря, странной. Но я опасаясь, что она не кажется таковой подполковнику Лихачеву.

– Это, кажется, следователь из ФСБ?

– Да.

– Он что-то имеет против меня?

– Мне кажется, его интерес вызван не столько взрывами, сколько вашим отношением к двум товарищам, уехавшим воевать за исламское государство.

– Вы так видите вопрос? – слегка удивился Скоморохов.

– В ФСБ, насколько я понимаю их позицию, рассматривают ваше отношение к этому факту как политическую демонстрацию. При этом не следует забывать, что ФСБ является прямым продолжателем дела КГБ. Она постепенно начинает использовать их методы работы.

Виктор Федорович недобро усмехнулся. Но эта его гримаса, как я понял, больше относилась к себе, чем к сотруднику следственного управления ФСБ.

– Я разве высказался хоть раз в поддержку исламского государства? Не припомню за собой такого греха. Если он имел место, то я честно готов взять свои слова обратно.

– Вы не выступили с осуждением людей, уехавших воевать за ИГИЛ. ФСБ оценивает этот ваш поступок как антигосударственный.

Аглая Николаевна принесла на деревянном расписном подносе чай, чашки и тарелочку с домашним печеньем. Все это она поставила на стол между нами. Виктор Федорович на правах хозяина разлил чай по чашкам, пододвинул одну из них ко мне.

– Мы сахар не употребляем и даже дома не держим. Извините уж. Вы неожиданно пожаловали. Иногда Аглая для гостей специально покупает. Но печенье в состоянии заменить сахар. Оно довольно сладкое, с вареньем. Угощайтесь. Моя хозяйка – большой специалист по всяким выпечкам. – Он посмотрел на жену с доброй улыбкой.

Аглая Николаевна ответила мужу тем же.

По моему поверхностному впечатлению, эти люди жили спокойно, не чувствуя никаких угрызений совести. Похоже было, что они и не понимали, почему должны ощущать что-то в этом роде. Люди, виновные в чем-то, по моему представлению, должны вести себя иначе, если только не являются прекрасными актерами.

Да, Виктор Федорович – профессиональный военный разведчик. Он должен уметь владеть собой до такой степени, чтобы при случае затмить любого актера. Но вот от его жены, простой женщины, этого ожидать, как мне показалось, было трудно.

Аглая Николаевна хотела присесть рядом с нами на стул и даже чашку себе принесла, но подполковник Скоморохов едва заметно повел глазами. Она сразу поняла, что здесь идет какой-то серьезный деловой разговор, решила не мешать и вышла на кухню. Подполковник Скоморохов поддерживал дисциплину не только в своем батальоне, но и в семейной жизни.

Мне вот в свое время это не удалось. Моя жена, ее сын и я оказались совершенно разными людьми. Каждый из нас жил по своим принципам. Дражайшая половина почему-то не позволяла мне возиться с мальчишкой. Она намекала, что не хочет, чтобы я превратил его в тупого солдафона. Однако сколько существует семей, столько и отношений, и бороться с этим порядком бесполезно.

– А за что мне их осуждать? – продолжил разговор Виктор Федорович. – Они сделали свой выбор. Я остался при своем.

– Исламское государство у нас в стране считается запрещенной террористической организацией, – напомнил я.

– Считать и говорить можно все, что душе угодно.

Мне показалось, что подполковник начал горячиться. От этого слова его звучали короче и четче, но интонация в разговоре не менялась.

– Любому официальному заявлению в наше время верить сложно. Тем более человеку, который думать обучен. Я не знаю, что там у них творится, в этом самом исламском государстве. Мои знакомые, с которыми я много общался, поверили тому, что им обещали через Интернет или еще каким-то способом. Они и меня пытались уговорить. Опирались на то, что здесь, в нашем государстве, слова расходятся с действительностью, выборные слуги народа чувствуют и ведут себя как господа. Я попросил их объяснить мне, где гарантии, что там слова представителей власти не расходятся с делом. Я лично не встречал в своей жизни правительства, которое выполняло бы свои обещания, данные народу. Не бывает таких в природе. Любые обещания потенциальных правителей – это лишь политический ход. Налицо противостояние с Европой и Штатами. Все громче становятся крики о патриотизме. Да где же он, если по всей стране открываются клиники по смене пола? Мужчины становятся женщинами, и наоборот. Телевидение пропагандирует гомосексуализм. Неужели это и есть та самая нравственность,

которой наш народ гордится? От такой вот высокой морали люди и бегут к исламистам, где за подобные вещи прилюдно голову отрезают. От обмана бегут, от безысходности. От невозможности жить в современном мире и оставаться честным человеком. Я не знаю точно, что и как там делают для соблюдения нравственности в людях, хотя и вижу публичные расправы с коррупционерами. Это на Востоке, где коррупция, по сути дела, родилась и пропитала кровь всех народов, исламисты обещают во всем навести порядок. Скорее всего, люди им верят. Иначе они не пошли бы туда так массово. А они идут. Из разных стран, со всех континентов. Идут! Ищут социальной справедливости. Я, правда, сам не пошел, да и другим не советовал. Но только потому, что не верю в подобную справедливость. Обещать могут многое. И по-разному. А у нас и не обещают, запросто могут посадить ни за что. Высокие особы смеются над судами, над нами и всей страной. Плюют нам в лицо и радуются.

– Наверное, вы еще и потому с ними не пошли, что не мусульманин, – корректно подал я новое направление мыслям собеседника. – Вы православный?

– Я просто христианин. Родители и деды с бабками были атеистами, но более давние предки, думаю – православными. Не знаю точно. Но я к православию равнодушен как раз потому, что читал в свое время Библию. Хорошо помню в Евангелии от Луки слова Христа: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову». А раззолоченные православные священники не за Христом идут. Они за фарисеями на «Мерседесах» едут. С такими священниками мне не по пути. Это я тоже высказывал, помнится, на телевидении. Подрываю я оплот государства – православие? Наверное, да. Я вообще считаю, что любая официальная религия является только инструментом, необходимым власти для управления бездумной толпой, и не имеет никакого отношения к вере в Бога. Дополнительная опора, костыль. Это мне тоже в вину ставят?

– Если и ставят, то мне об этом ничего не известно, – признался я, не возражая, потому что разделял подобные взгляды.

– Тот же самый обман простых людей, как и всюду. Институт военного священства в армии ввели еще при мне. У меня в батальоне священник служил. Числился моим заместителем по работе с верующими. Такие солдаты сразу откуда-то появились. Сколько я их ни спрашивал, ни один Библию не открывал. Священник солдатам ее не читал и не рекомендовал, чтобы они сами это делали, потому что много вопросов возникло бы. Ему не хватило бы грамотности, чтобы на все ответить. Потому я и называю такую религию обманом, как и все, что нас окружает. Нам вот глава нашего государства обещает скоро довести пенсии до прожиточного минимума. С гордостью говорит об этом. А прямо сегодня пенсионерам как жить? С голода умирать? Случись что со мной, Аглая Николаевна на свои копейки протянуть не сможет. Какая у нее пенсия – всю жизнь со мной по военным городкам моталась. А там с работой для офицерских жен, сам, наверное, знаешь, как дело обстоит. В лучшем случае медсестрой можно устроиться или продавщицей в магазине. Но на всех ни лазаретов, ни магазинов не хватит. Стажа, следовательно, нет. Пенсия минимальная. Большую ее часть приходится платить за услуги ЖКХ. Так ей что, следовало меня бросить, чтобы себе пенсию зарабатывать? Это называется социальной справедливостью? Не могу согласиться с этим, как и с современной трактовкой патриотизма. Нам нашли врага, чтобы мы с ним сцепились, внушают, что мы за Родину должны выступать. А в действительности воевать приходится за большие деньги тех особ, которые нами правят. Мне это как-то совершенно не по душе.

– Это вы тоже в той телепередаче высказывали?

– Высказывал, – подтвердил подполковник.

Мне импонировала его армейская прямота. Виктор Федорович не боялся показаться неудобным собеседником. Он вообще не желал никого и ничего бояться. Наверное, с таким человеком трудно говорить. С прямыми и честными людьми всем и всегда общаться не так-

то просто. Даже я, слушая его, испытывал некоторое смущение, поскольку к таким разговорам не готовился.

– Я лично вас понимаю. Они, которые против вас дело возбуждают, тоже, думаю, соображают, что к чему. Но это идет вразрез с мнением, навязываемым обществу. Вот потому некоторые личности и пытаются шить вам уголовное дело, хотя не имеют практически никаких фактов против вас. Значит, вопрос сводится к тому, чье мнение больше устроит неподкупного, сурового, но справедливого судью.

Скоморохов улыбнулся. О судьях он думал, как я понял, верно. Виктор Федорович вполне резонно предполагал, что если дело дойдет до суда, то оно может закончиться для него крупными неприятностями. Это я понял по его чуть-чуть виноватой улыбке. Вину он, скорее всего, чувствовал перед Аглаей Николаевной. Сам только что говорил, что ей на свою пенсию прожить будет невозможно.

Но реального выхода из ситуации Скоморохов, как мне показалось, найти не мог.

– Но что-то ведь нужно предпринимать, – очень легко, как подсаживают на остановке старушку в трамвай, подтолкнул я его.

– Вы, капитан, предлагаете мне сходить в церковь, исповедаться перед священником, крепко выпившим крови Христовой, то есть кагора, а потом провести пресс-конференцию и оклеветать на ней тех людей, которые, не чувствуя удовлетворения от существования в своей стране, уехали искать правду в далекие края, чтобы жить по ней. Так? Думаете, тогда от меня эти следователи отвяжутся?

– Сомневаюсь, что отвяжутся. Они будут искать новую причину для преследования. Инерция у них такая. Я же предлагаю другой выход. Действия иного порядка. Встречный курс.

– Я слушаю. Честно скажу, что пока не вижу реального выхода.

– Нужно найти и поймать того негодяя, который организовал эти взрывы.

– Вы же сами только что говорили, что и тогда не отвяжутся. Будут искать повод, устраивать провокации. Это их привычная работа.

– Значит, вам необходимо будет проявлять осторожность, сдержанность в высказываниях и в действиях. Вполне привычная для разведчика ситуация.

– Хорошо. Пусть будет так. А как искать-то? Я, мне кажется, совершенно непригоден к подобной работе. Я диверсант, не более того.

– А меня Александра Радимова из уголовного розыска прозвала капитаном частного сыска. Следовательно, я возьму на себя всю работу детектива. Ваше дело будет состоять только в том, чтобы помогать мне советами и давать консультации по каким-то конкретным вопросам, если таковые возникнут.

– Согласен. А что, против меня уже возбудили уголовное дело?

– Против вас, товарищ подполковник, нет. Дело возбуждено по факту взрывов. Но вы пока считаетесь основным подозреваемым. Знаете почему?

– Мне только намекали на то, что мотивом тут является квартира Елены Анатольевны. Вы в курсе насчет этой драгоценности на Тверской?

– Да, я в курсе. Но против вас пытаются выставить и привязать к делу еще две улики, пусть и не существующие, не доказанные.

– Какие именно?

– Во всех посылках в качестве уплотнителя использовались центральные газеты. Вы понимаете, почему именно такие?

– Чтобы было трудно сделать привязку к местности, где кто-то изготовил взрывные устройства. Об этом не трудно догадаться даже школьнику.

– Но в той посылке, которая не взорвалась, была одна газета – «Комсомольская правда» – со вкладышем для нашей области. Есть в ней такой.

– Знаю. Я «Комсомольскую правду» с лейтенантов выписываю. Иногда даже читаю. Хотя в последние годы и не регулярно. Газета, как и наше общество, изменилась до неузнаваемости. Но это не имеет отношения к нашему вопросу. Тут поражает другое. Неужели они думают, что военный разведчик мог бы так глупо проколоться?

– Я так не считаю. А они наверняка могут.

Но тут Виктор Федорович все же показал, что он настоящий опытный военный разведчик. Он сразу заметил то, на что раньше обратил внимание и я.

– Необходимо посмотреть на верхнее поле газеты на первой странице. Там почтальон всегда пишет номер квартиры, чтобы знать, в какой почтовый ящик газету опускать. Есть там номер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.